

Алейникова Жанна Сергеевна

СУРИМОНО В ТВОРЧЕСТВЕ ХОКУСАЯ И ЕГО УЧЕНИКОВ

Статья посвящена роли Кацусика Хокусая в формировании искусства суримоно, одного из загадочных и технически сложных в исполнении видов гравюры на дереве. Исследуются характерные признаки суримоно в работах учеников Хокусая. Впервые на русском языке рассмотрены некоторые примеры гравюр из зарубежных коллекций. Искусство суримоно, в том числе и в творчестве Хокусая, мало изучено, поэтому актуальность темы не вызывает сомнения. Автор приходит к выводу об особой значимости и роли суримоно в истории развития японской гравюры укиё-э.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-4/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. IV. С. 16-20. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 7.035.769.1

Искусствоведение

Статья посвящена роли Кацусика Хокусая в формировании искусства суримоно, одного из загадочных и технически сложных в исполнении видов гравюры на дереве. Исследуются характерные признаки суримоно в работах учеников Хокусая. Впервые на русском языке рассмотрены некоторые примеры гравюр из зарубежных коллекций. Искусство суримоно, в том числе и в творчестве Хокусая, мало изучено, поэтому актуальность темы не вызывает сомнения. Автор приходит к выводу об особой значимости и роли суримоно в истории развития японской гравюры укиё-э.

Ключевые слова и фразы: японская гравюра; укиё-э; суримоно; Кацусика Хокусай; ученики Хокусая.

Алейникова Жанна Сергеевна

*Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина
aleynikova_zh@mail.ru*

СУРИМОНО В ТВОРЧЕСТВЕ ХОКУСАЯ И ЕГО УЧЕНИКОВ[©]

В отечественном востоковедении сложилось довольно устойчивое отношение к жанру суримоно: гравюры оказываются довольно сложными в исследовании, их интерпретация затруднена, поскольку образный строй таких гравюр не может восприниматься буквально, изображение представляет собой многоуровневый ребус, рассчитанный на понимание конкретным адресатом. Поэтому исследовательский интерес западных коллег сосредоточен лишь на интерпретационной части суримоно, основанной на переводе текстов и сопоставлении их с картинкой [8; 9]. В этом случае раскрывается культурологический аспект суримоно. Эти небольшие гравюры скрывают огромный пласт культуры Японии разных исторических периодов. Это и литература – поэзия, мифология, легенды и особенности образа жизни японцев, быт и развлечения, система праздников и сезонные занятия, особое отношение к природе, старшему поколению, религиозные взгляды и все мировоззренческие категории горожан. При всей глубине содержания гравюры суримоно – эталон цветовой гармонии, изящества, образец высокого искусства. В то же время художественная составляющая и специфика жанра либо остаются без внимания, либо рассматриваются без учета уникальности. А сам вид гравюры выпадает из общего контекста эволюции японской гравюры. Рассмотрев ряд произведений японских художников, рисовальщиков суримоно, в настоящей статье автор обосновывает правомерность суждения о значимости и особом месте этой гравюры в истории укиё-э, подчеркивает роль Кацусика Хокусая (1760-1849) и художников его круга в истоках формирования искусства суримоно, стилевых тенденций и характерных особенностей этой гравюры. В отечественном искусствознании на фоне многоплановой изученности жанров японской гравюры суримоно остается малоисследованной областью изобразительного искусства средневековой Японии, чем и обусловлена актуальность исследования.

В творчестве такого разнопланового мастера как Кацусика Хокусай, которого в первую очередь мы знаем как создателя пейзажных серий гравюр, рисунков из сборника «Манга», где он ввел в искусство сюжеты, прежде считавшиеся вне эстетики, с искусством суримоно связан яркий значимый период становления его стиля. Творчество этого мастера признают многогранным, известно, что Хокусай был незаурядным деятелем и в области литературы, высказывал необычные мысли и весьма оригинальные для того времени творческие принципы в написании стихов, романов и повестей. И всё же главным образом Хокусай прославился как мастер цветной гравюры на дереве, он изучил все виды и жанры укиё-э, освоив и стили, и методы. В первой трети XIX века искусство Хокусая достигло наивысшего расцвета. В это же время среди жанров гравюры особую популярность приобретают небольшие ксилографии суримоно (буквально «напечатанная вещь»), выполненные технически и художественно виртуозно. Жанр суримоно гармонично синтезирует в себе искусно выполненное изображение, каллиграфию и поэзию с тонким юмором и глубоким подтекстом. Хокусай с успехом работал практически во всех жанрах укиё-э, считался непревзойденным мастером суримоно. В этом жанре нашли применение его чувство юмора, изобретательность и фантазия.

После ухода из мастерской Сюнсё (примерно с 1793 по 1810 гг.) довольно большой период творчества Хокусая был посвящен работе над суримоно, которые отличались красочностью, особой нарядностью, выразительностью изображенных мотивов. Это обуславливалось особой утилитарной функцией гравюры, выполненной к знаменательным датам, часто они издавались в виде поздравительных открыток с символами добрых пожеланий – фигурами богов счастья и богатства, цветами, плодами и животными, вызывавшими подобный круг ассоциаций. Работая над небольшим форматом, суримоно – гравюра малых форм, Хокусай смог добиться особой компактности композиции, точности цветовых соотношений, красоты сочетания житейских простых предметов, ранее не представлявших интереса для изображения.

Культурно-исторические истоки суримоно берут свое начало ещё в период Хэйан (794-1185), когда зародилась традиция, сохранившаяся в наши дни, на Новый год обмениваться открытками благожелательной

направленности, с символьным изображением. К примеру, оно могло содержать священную гору Фудзи, сокола и баклажан, сосну, бамбук и сливу, с помощью которых можно было пожелать удачи, мира, благосостояния, процветания. Возникновение жанра суримоно часто связывают с именем Судзуки Харунобу (1725-1770), создателем цветной гравюры в Японии [5, с. 8]. Совершенствуя технику полихромной печати нисики-э, мастера суримоно буквально создавали «парчовые картинки», применяя дорогостоящие пигменты, перламутр, золотой и серебряный порошок. При печати таких гравюр применялись рельеф, тиснение, узоры из шелковых нитей. Для изготовления суримоно использовались высококачественные сорта мягкой плотной бумаги (васи), т.е. мастера проявляли всю творческую находчивость, чтобы сделать ее роскошной, создать именно подарочный вариант гравюры наивысшего художественного достоинства.

Окончательно жанр суримоно оформился в период правления сёгунов Токугава (1614-1868) в городской культуре среди людей умеренного достатка (мелких самураев, состоятельных ремесленников и торговцев). Жанр стал частью их субкультуры во многом благодаря поэтическому сегменту суримоно. Представители вышперечисленных сословий часто собирались вместе, критикуя власть, иронично размышляли о жизни, в непринужденной обстановке писали стихи, иногда создавая пародию на «высокую» поэзию. Как правило, это были пятистишия в жанре кёка (буквально «сумасшедший стих») – сатирической и юмористической поэзии, сочинение которой не было стеснено правилами, в отличие от вака или танка. В конце XVIII века в Эдо наблюдается тотальный интерес к сочинению таких стихов – к особым событиям, праздникам. Поэтические строчки могли сложиться под впечатлением какого-либо явления, укладывающегося в эстетические представления японцев. Любовь к стихотворной форме кёка объединяла поэтов в группы или кружки (кёкарен) [8, р. 10]. Лучшие произведения публиковали в коллективных изданиях, оформляя для наглядности картинками. Часто эти листы представляли собой гравюры суримоно, в которых непременно роскошь художественного исполнения соединялась со специально написанными к случаю стихами.

Ещё одна отличительная черта жанра суримоно – отсутствие коммерческого интереса, так как сборники в основном печатались небольшими тиражами и зачастую предназначались для подарков внутри поэтических кружков. Антологии стихов – это лишь одна из разновидностей гравюр суримоно, которые могли служить поздравительными открытками, предназначенными к какому-либо случаю, афишами, программами театральных представлений и даже календарями, выпускаемыми для узкого круга, близких людей. Заказчиками таких гравюр могли быть случайные люди в преддверии какого-либо праздника или торжества, часто – актеры театров, заинтересованные в своей популярности, и, конечно, чаще других, – представители литературных объединений. На сохранившемся суримоно одного из первых учеников Хокусая – Хокугая – показаны три музыканта, играющие на сямисэне, кото и коку. Согласно каллиграфической надписи, эта гравюра представляет собой приглашение на Новый год в Синагаву, где планировалось грандиозное музыкальное событие.

Некоторые гравюры, так называемые большие суримоно (бангуми), заказывались чайными домами либо увеселительными заведениями и могли выполнять функции афиш, которые обычно вывешивались на людных перекрестках улиц. Их также можно было сложить в несколько раз и сделать из них обычные, удобные для подарка квадратные суримоно. Такой формат использовался чаще других – приближенный к квадрату со стороной около двадцати сантиметров (сикисибан). С 1810 года наметилась довольно устойчивая тенденция в создании гравюр суримоно в формате именно сикисибан – 20,5 на 18,5 см. Большие суримоно, среди сохранившихся, встречаются довольно редко. Текст в них доминирует, располагаясь, как правило, в верхней части гравюры, часто коллекционеры отрезали его, оставляя лишь картинку. У Хокусая есть большое суримоно с лаконичной предметной композицией – редкой для японского искусства. Подобные, в европейском понимании, натюрморты довольно часто встречаются в мотивах суримоно. В них Хокусай всегда стремился выразить поэтическую значимость предмета, расширить его образный смысл. Вокруг шляпы для путешествий (каса), символа защиты от болезней, расположились благожелательные растения – хвощ, папоротник и соцветия амаранта. Известно, что изображенный мотив был повторен и в квадратном суримоно (сикисибан).

Характерная особенность гравюры суримоно – в том, что ее художественный образ создавался путем сложных ассоциаций, системы намеков, аллюзий, игры слов, как и за краткой поэтической формой кёка скрывались довольно обширные представления, касавшиеся и национальной истории, и китайской философии, литературы и народных обычаев. Известно, что в средневековой японской поэзии хранилось великое множество постоянных эпитетов и устойчивых метафор [6, с. 32], на них строилось и изображение. Тщательно выверенное, оно не содержало случайных моментов, все детали работали на общий смысл, который был многоуровневым и глубоким. В новогоднем суримоно Хокусая «Женщины и мальчик около хибати» (1816) – стихи трех поэтов, построенные на игре омонимов, использованы сезонные метафоры – «молодая вода», аромат цветов сливы [2, с. 300]. В поэтических строчках и изображенных мотивах заключены пожелания жизнестойкости, долголетия, здоровья. Бытовая сцена, которая представляет сидящих женщин и мальчика у жаровни, на первый взгляд кажется отстраненной, но в изображении на ширме, расположенной на втором плане композиции – фигуры новогодних ряженых и ветка цветущей сливы – деталь, указывающая на праздник, к которому выполнено суримоно. Таким образом, изображение редко когда являлось прямой иллюстрацией к поэзии, но строчки кёка становились более ясными благодаря картинке, так же как и изображенное обретало ясность в комплексе со стихотворением.

Многие художники суримоно сами составляли кёка. Стихи Кацусика Хокусая и вместе с ними его гравюры имели колоссальный успех. Его суримоно с изображением природного мира, окружающего человека, обрели не свойственную предшествующему искусству многозначность. Одна из лучших работ, выполненная

в начале XIX века, – «Луна, хурма и кузнечик» (1807), как и другие его суримоно, – немногословна. Смысловой и композиционный центр суримоно – спелый желтый плод хурмы с примкнувшим к нему кузнечиком. Огромный бледный диск луны едва проглядывается на фоне бумаги и входит в композицию лишь своей четвертью. Луна и хурма – традиционные осенние мотивы. Красивая фактура ствола старого дерева и корявые, отягченные плодом ветки включены в композицию гравюры лишь несколькими диагоналями. Лаконичной композицией художник рассказывает о красоте лунной ночи, о наступающих холодах и щедрости природы, дарящей свои плоды. Этому вторит сопровождающее гравюру стихотворение:

«Свет осенней луны мы встречаем наполненными чашечками сакэ.

А бедный кузнечик – отведаст ли сладкий сок?»

О многообразии мира рассказывает каждый изображенный мотив. Вся композиция построена на контрастном сопоставлении узорчатой красоты надписи, бледного лица луны и теплого мягкого овала плода хурмы. И корявый ствол дерева, и тяжелый плод хурмы оттеняют красоту ровного, холодного диска луны, дают глазу возможность насладиться ритмическими повторами, вызывают в сознании множество ассоциаций» [1, с. 15].

Работа над суримоно в творчестве Кацусика Хокусая – это особый этап творчества мастера. Мало того, что он внес существенный вклад в развитие этой гравюры, Хокусай довел художественную систему суримоно до совершенства. Его гравюры, начиная с ранних, закономерны в своем развитии. Суримоно, изданные между 1793-1797 гг. и подписанные Хисикава Сори, были, как правило, небольшими по размеру удлиненными карточками. К 1800 г. мастер ввел в обиход длинные горизонтальные суримоно, подписанные им Такэдзин Хокусай, где стихотворные надписи, выполненные самим художником, равно как афоризмы и шуточные высказывания, отделялись друг от друга, занимая значительное место, а главными изобразительными мотивами были пейзажи, изображения птиц, цветов, плодов и насекомых, жанровые и лирические сцены. Большая часть пейзажных суримоно, хотя и были построены по законам классической гравюры XVIII в., но уже отличались рядом новых черт. Люди в них не отделялись от природы, как на гравюрах Киёнага, а словно вращались в ее жизнь, приглашая зрителя войти вглубь пейзажной сцены и полюбоваться просторами вместе с ними. После 1805 г. суримоно Хокусая вновь изменили свою форму, стали почти квадратными [Там же, с. 14-17]. Их образы приобрели особую значительность и поэтичность, созвучную сопровождающим изображение стихам. С этого времени формируется классический вид гравюры суримоно.

Поздние суримоно Хокусая всё чаще апеллируют к древним литературным образам, подчас говорят языком народной поэзии, вызывая в зрителях множество разнообразных чувств и ассоциаций. Например, изображение ворона, несущего саблю, в гравюре «Маленький ворон – родовый меч Минамото» рассказывает о достоинстве древнего аристократического рода, описанного в романе XI в. «Гэндзи моногатари», созданном писательницей Мурасаки Сикибу. Поэтому каждый предмет здесь не только символичен (сабля и ворон – синонимы, так как у героя романа Гэндзи сабля носила название «Маленький ворон»), но и отмечен особой изысканностью, декоративной утонченностью техники, колористическим разнообразием. Оперение ворона передано сочетанием блестящей и матовой черных красок, а сабля в его когтях украшена яркими многоцветными узорами [Там же].

Две серии гравюр, созданные Хокусаем в 1821 и 1822 гг., – пример того, какими сложными могли быть суримоно для понимания и расшифровки. Серия «Игра в раковины с написанными на них стихами поэтов Гэнроку» (1821) для поэтического общества «Ёмогава» состоит из 36 суримоно. Изображения этих гравюр строятся на сложной системе аналогий, намеков и ассоциаций, которые связаны с названием раковин – вишневая, столичная, воробьиная, безводная и прочие. Они же обыгрывались и в сюжетах стихотворений, а Хокусай, в свою очередь, мастерски вступал в эту игру как художник. Доподлинно неизвестно, работал ли он, уже имея стихи, или создавал свои композиции по собственным ассоциациям с названиями раковин [2, с. 308-314]. Другая серия суримоно – «Цикл гравюр, посвященный лошадям», изданная к Новому году Лошади (1822) по заказу поэтической группы «Ёмогава» и двух входивших в нее кружков «Сютёдо» и «Мандзи». Все 28 листов связаны с темами Нового года и лошади. В серии также использованы характерные для суримоно намеки, игра слов, реминисценции, связанные с мотивом «лошади», – это явилось поводом создания натюрмортов. Весь цикл гравюр включает предметные композиции, в которых детали лишь наводят на мысль о главном мотиве. Такое пристальное вглядывание Хокусая в окружающий мир, внимание к миру вещей, их фактуре и цвету, характерное для городской культуры Эдо, привело художника к созданию по сути первых в японском искусстве натюрмортов, один из них – «Камень в виде головы коня» [4, с. 15]. Используя главный мотив как повод, чтобы передать сложное разнообразие предметов, выявить их жизнь в пространстве и показать их символическое значение в качестве знаков красоты, богатства, добра, – таковы задачи натюрморта в суримоно. Последователями Хокусая в этом направлении стали его ученики Хоккэй (1780-1850), Сигэнобу (1787-1832) и др.

Янагава Сигэнобу специализировался на гравюрах с изображениями красавиц и пейзажных композиций. Но главным видом его творчества всё-таки стал суримоно, жанр, дающий возможность проявить всю изобретательность и фантазию. Рисунки, сопровождаемые поэтическим текстом, создавали неразрывное единство изображения и слова, заставляя зрителя принять участие в творческой игре. Суримоно Сигэнобу отличались элегантно и изысканно стилем и необычностью решений. Пример этого – открытка, выполненная по заказу одного поэта, который решил взять себе новый псевдоним Иссо Мицукадо и написал по поводу этого хайку, сопроводившую суримоно.

Учеником Хокусая был Рюрюкё Синсай (раб. 1764-1823), известный как мастер суримоно. Главные темы его гравюр – натюрморты, пейзажи, бидзин-га. Синсай – один из наиболее самобытных учеников и последователей Хокусая, избежавший прямого подражания учителю. Другие художники, испытывавшие влияние творчества

Хокусая в первой трети XIX века, увлеклись искусством суримоно, привнеся в этот жанр яркие стилистические особенности, характерные для школ укиё-э и живописи Японии.

Самым известным учеником Хокусая принято считать Тотоя Хоккэя, который посвятил своё творчество суримоно и иллюстрированию книг. Суримоно Хоккэя особенно близки к стилю учителя, их сюжеты разнообразны, часто изображенное является аллюзией на классическую литературу. Суримоно из серии ««Суйкодэн» и пять элементов» (1830-е) изображает героя Лу Чжишена (яп. Ротисин) из популярного китайского романа XIV века «Речные заводы» (кит. «Шуй хучжуань»; яп. «Суйкодэн») о шайке благородных разбойников [2, с. 259]. Персонажи романа происходят от духов и сопоставимы с природными стихиями. В серии пять героев представлены как пять природных элементов – огонь, земля, дерево, металл и вода. Лу Чжишень с легкостью вырывает дерево с корнем, он обладает невероятной силой. Покрытый татуировкой в цветочек, персонаж являет олицетворение стойкости, подобно цветам сливы, появляющимся ранней весной. Ещё одно суримоно апеллирует к Китаю – гравюра, на которой изображен китайский поэт, рассматривающий двух журавлей, созданная в 1820 году. Это суримоно с двумя другими составляет серию, которая была заказана поэтической группой «Ханазонорен», о чем свидетельствует проставленный красным знаком символ этой группы [7, р. 126-127]. Довольно часто Хоккэй создавал серии суримоно для литературных кружков – антологии стихов. Количество листов в серии обычно совпадало с числом поэтов, входивших в такой кружок. В «Серии из тридцати шести птиц и животных» для поэтического клуба «Сипорен» каждый лист содержит изображение одного из представителей фауны – олень, ласточка, фазан. В верхней части композиции в синем обрамлении заключены символы удачи (так называемые счастливые предметы) – объединяющий элемент всей серии [2, с. 254].

Гравюры Хоккэя построены на сложной системе аллюзий. Одна из самых тиражированных его работ – суримоно, посвященное героине народного фольклора горной колдунье Ямауба, защитнице окружающей среды. Тем, кто относится к ней с почтением, Ямауба дарует большую удачу в делах. Это суримоно из диптиха «Горы и горы» представляет два не склеенных листа. Пара к этой гравюре – суримоно с изображением Кинтаро, мальчика, отличавшегося невероятной силой, его усыновила и вырастила Ямауба. К году Дракона мастер выполнил суримоно с изображением Властителя морей и океанов короля Дракона (Рюдзин). Персонаж японской мифологии Рюдзин представляет свои драгоценности, он несметно богат и, по преданию, имел замок в глубинах океана. Подчеркивая пожелание благосостояния, Хоккэй применяет в суримоно много золота и серебра.

Стиль учителя был узнаваем в ранних суримоно другого ученика Хокусая – Ясима Гакутэя (1786-1868). Известный в большей степени как поэт, автор юмористических стихотворений, Гакутэй работал в различных жанрах укиё-э, отдавая предпочтение суримоно, в котором ему удалось соединить воедино поэтический дар и высокое художественное мастерство. В его суримоно 20-х гг. XIX века уже чётко наблюдается выработка собственных творческих приёмов, некоторые серии показывают техническое совершенствование мастерства, прослеживается его узнаваемый стиль, в котором вся плоскость печати покрыта различными узорами. Они распространяются на поверхности объектов, в различных картушах, по границе всего изображения, создавая зачастую обрамленный образ. Главные мотивы его произведений – японская и китайская история, легенды, натюрморты, бидзин-га; историческая серия (1818-1830), созданная по мотивам «Удзи сюи-моногатари» («Повести, собранные в Удзи»); истории о жизни и странствиях впавших в немилость самураев и вельмож, которые легли в основу литературного сборника XIII века [8, р. 31-34]. В серии новогодних поздравительных гравюр «Семь богов счастья» (Ситифукудзин) каждый бог олицетворяет одно из высших благ жизни, которое становится добрым пожеланием в суримоно [9, р. 178-183]. Тема «Семи богов счастья» была весьма популярна и могла получать различное звучание через метафору, аллюзию или прием митатэ (уподобление). В данном случае куртизанки из квартала развлечений Ёсивара уподоблены семи богам счастья. Другая серия Гакутэя, тоже из семи гравюр, – в которой также именно куртизанки предстают теперь уже в облике семи даосских бессмертных [Ibidem, р. 172-177].

Число учеников Хокусая было очень велико, его творчество вызывало бесчисленные подражания. Будучи экспериментатором и находясь в постоянном поиске выразительных средств, Хокусай задал высочайшую планку в работе над суримоно, через него выведя искусство укиё-э на иной культурный и эстетический уровень. Хокусай сыграл основополагающую роль в формировании искусства суримоно. Многие его ученики избрали этот вид гравюры основой своего художественного творчества, стали рисовальщиками суримоно, сделав его одним из важнейших и ведущих видов ксилографии в эпоху Эдо.

Практически для всех последователей Хокусая типично усвоение только наружной стороны его творческого способа: выразительность рисунка в работах учеников приобретает оттенок манерности, его колористические заслуги используются в основном для решения чисто декоративных задач. Но такие известные профессионалы как Хоккэй и Гакутэй, продолжая работать в лучших традициях своего учителя, сумели расширить границы выразительных возможностей и сложившихся в суримоно тем. Таким образом, благодаря тематическому разнообразию, без иконографической скованности, гравюры суримоно вобрали весь диапазон жанров укиё-э, перерабатывая их в своём идейном и функциональном ключе. Среди характерных признаков суримоно также особый лаконизм композиций, часто заключенный в квадратный формат, звучный цвет, декоративный подход к решению изобразительной плоскости.

Японская гравюра занимает важное место в ряду значительных достижений мирового искусства. Будучи популярным на закате самобытного явления укиё-э, достойным продолжателем традиций стал жанр суримоно. Из века в век японское искусство совершенствует одну и ту же схему. В поздравительных гравюрах малых форм, не поставленных на поток, а выполненных по частному заказу, сохранились лучшие художественные

и эстетические традиции искусства японской гравюры. Основные философские принципы, эстетические приёмы и техники в искусстве укиё-э находят наиболее яркое воплощение именно в суримоно. Искусство суримоно основывалось на традициях книжной графики, служебной графики популярного театра Кабуки, жанровой живописи на ширмах и свитках. Поэтому эти гравюры становятся всецело уникальным явлением в творчестве японских графиков. Заниматься проблемой определения роли суримоно в истории развития японской гравюры укиё-э, типологией этого вида искусства, искусствоведческим анализом гравюр суримоно актуально и необходимо. Данная статья может быть использована как материал для дальнейших исследований художественной истории Японии, для разработки учебного пособия для вузов, готовящих специалистов в области истории искусства Японии, в качестве научно-методической основы для разработки учебных программ по историко-искусствоведческим дисциплинам.

Список литературы

1. **Виноградова Н.** Хокусай и японская гравюра. М.: Белый город, 2005. 49 с.
2. **Воронова Б. Г.** Японская гравюра XIII – первой половины XIX века: в 2-х т. М.: Красная площадь, 2008. Т. I. 480 с.
3. **Грабарь И. Э.** Японская цветная гравюра на дереве. СПб., 1903. 23 с.
4. **Медкова Е.** Соединить несовместимое – Восток и Запад // Искусство. 2008. № 13. С. 15-24.
5. **Успенский М.** Японская гравюра. СПб.: Аврора; Калининград: Янтарный сказ, 1999. 62 с.
6. **Японская классическая поэзия** / пер. со старояп. В. Марковой. Смоленск: Русич, 2002. 520 с.
7. **Charlotte van Rappard-Boon, et al.** Hokusai and His School: Japanese Prints, c. 1800-1840 // Catalogue of the Collection of Japanese Prints. Amsterdam: Rijksmuseum, 1982. Part 3. 159 p.
8. **Charlotte van Rappard-Boon, et al.** Surimono – Poetry & Image in Japanese Print. Leiden: Hotei Publishing; Amsterdam: Rijksmuseum, 2003. 195 p.
9. **Karpenter J.** Reading Surimono: The Interplay of Text and Image in Japanese Prints. Leiden: Hotei Publishing, 2008. 432 p.

SURIMONO IN CREATIVE WORK BY HOKUSAI AND HIS FOLLOWERS

Aleinikova Zhanna Sergeevna

*Ilya Repin St. Petersburg State Academic Institute for Painting, Sculpture and Architecture
aleynikova_zh@mail.ru*

The article discusses Katsushika Hokusai's role in the formation of surimono art, one of the most mysterious and technically complicated genres of woodblock printing. The author identifies surimono typical features in the works of Hokusai's followers. For the first time the paper examines in the Russian language some prints from foreign collections. Surimono art, including in Hokusai's creative work, is insufficiently investigated, therefore the relevance of the subject is undoubted. The author concludes on the special importance and role of surimono in the development history of Japanese print ukiyo-e.

Key words and phrases: Japanese print; ukiyo-e; surimono; Katsushika Hokusai; Hokusai's followers.

УДК 17.022.1

Философские науки

В статье рассматриваются попытка М. Шелера создать феноменологически ориентированную персоналистическую этику и его концепция ценностного априори. Показывается отличие шелеровского понятия ценности от того, как оно трактуется в аксиологии Э. Гуссерля. Указывается на индивидуальные ценностные идеалы, персональные ценностно-сущностные идеи, которые играют важную роль в философско-этической аргументации М. Шелера. Анализируются ценностная онтология М. Шелера, раскрытие им связи ценностей с вещными благами и рангового порядка ценностей, решение проблемы концептуализации ценностей.

Ключевые слова и фразы: М. Шелер; Э. Гуссерль; феноменологическая этика; аксиология; ценности; ценностное априори; ценностное бытие; личность; блага.

Алхасов Альш Алхасович

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
alysh_alkhasov@mail.ru*

ЦЕННОСТНОЕ АПРИОРИ В ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭТИКЕ М. ШЕЛERA®

В своем главном произведении «Формализм в этике и материальная этика ценностей» М. Шелер – в рамках критики кантовского формализма в этике и создания собственной аксиологической доктрины – разрабатывает концепцию материального ценностного априори [3, с. 261, 263, 272, 280, 283, 319, 323]. Эта цель преследуется и в других его произведениях, среди которых можно назвать, например, «Ресентимент в структуре